

жить ускоренное заселение этих регионов (однако не только русскими). В то же время осуществление крупных планов развития Нечерноземья должно привести к стягиванию в этот регион мигрантов и к совершенствованию половозрастной структуры населения. Последнее же неизбежно приведет к повышению темпов естественного прироста населения в этой части РСФСР. Не вызывает сомнения и то, что решение грандиозных задач, связанных с выполнением Продовольственной программы СССР на период до 1990 г., окажет существенное влияние на ход этнодемографических процессов.

А. А. Зубов

**СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «АНТРОПОЛОГИЯ»
НА СОВРЕМЕННОМ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ
И ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ В СССР**

В период бурного развития науки и ее интеграции происходят существенные изменения методов, подходов, языка наук, взаимоотношений между науками. Все это, естественно, вызывает беспокойство специалистов за судьбы своих наук, желание разобраться в потоке нововведений, изменений, определить тенденции развития различных областей знания в будущем. Этот процесс затронул в той или иной степени все науки. Не явилась исключением и антропология, сам предмет исследования которой, человек, определяет общезначимость проблем, связанных с интерпретацией содержания понятий, относящихся к этой области знания. Но ведь человек — предмет многих наук. Суть проблемы в том, предметом каких наук является человек в эпоху великой интеграции знания, когда теоретически уже известно, что этот грандиозный процесс интеграции в конечном счете должен привести к «одной науке», ориентированной на человека. Какова в этот переходный период роль науки, название которой произведено от слова «антропос»? Казалось бы, что это уже обязывает ее стать в будущем своего рода «наукой наук». Ведь существует уже в философии выражение: «антропологизация всего знания». Давно осознали реальность этого процесса и естествоиспытатели. Так, например, П. Тейяр де Шарден писал: «Истинная физика та, которая когда-либо сумеет включить всестороннего человека в целостное представление о мире»¹. Но тогда эту «сверхфизику» будущего можно с тем же успехом назвать и антропологией. Здесь перед нами существенные вопросы динамики понятий, связанных с классификацией наук.

Содержание понятия «антропология» сейчас вызывает разногласия даже среди специалистов, а потому анализ этого понятия в его развитии, в диалектике, является, с нашей точки зрения, делом несомненно полезным. «Понятия не неподвижны, — писал В. И. Ленин, — а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни. Анализ понятий, изучение их, искусство оперировать с ними (Энгельс) требует всегда изучения движения понятий, их связи, их взаимопереходов»². В работе, посвященной интеграции науки, М. Г. Чепиков пишет, что сам процесс изменения понятий имеет двойкий характер: либо уточняется старое понятие, либо рождается новое, более богатое по своему объему и содержанию³. Каков же характер несомненных и неизбежных изменений понятия «антропология» в период интенсивных интегративных процессов, охвативших современную науку? Перед тем как попытаться дать ответ на этот вопрос,

¹ Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965, с. 37.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 226—227.

³ Чепиков М. Г. Интеграция науки. М.: Мысль, 1981, с. 238.

необходимо немного углубиться в прошлое. Термин «антропология» имеет чрезвычайно долгую историю, на протяжении которой его содержание весьма сильно менялось. Впервые употребивший это слово для обозначения науки о человеке Аристотель подразумевал в основном изучение духовной стороны сущности человека. С начала XVI в. появляются научные труды, в которых термин «антропология» уже больше связывается с изучением человеческого тела⁴, причем заметен характерный для современного антропологического подхода акцент на исследовании вариаций физического типа человека. Продолжает, однако, существовать и направление, вкладывающее в понятие «антропология» смысл науки о человеческой душе или же о двух сторонах человеческой природы — духовной и телесной. Предельно расширяли рамки антропологии французские энциклопедисты, включавшие в это понятие практически все возможные знания, имеющие отношение к человеку. Такое понимание содержания антропологии наложило свой отпечаток на последующее развитие науки в ряде стран. Как мы знаем, в некоторых странах Западной Европы и в США и в наше время под «антропологией» подразумевают не только исследование физического типа человека, но также изучение культуры, быта, — иными словами, объединяют биологические и культурные аспекты изучения человека. Мы говорим «объединяют». Но означает ли это реальное слияние ряда смежных дисциплин в одну науку? К сожалению, даже сейчас мы не можем ответить на этот вопрос положительно, а тем более условный характер носило произвольное объединение разнородных областей знания, изучающих человека, в прошлые века. В работе «О современной классификации наук» Б. М. Кедров пишет: «Когда в эпоху Возрождения началась дифференциация наук, т. е. стали возникать отдельные отрасли научного знания, то этот процесс явился ярким выражением того, что познание человека вступило в аналитическую стадию своего развития. Интегративные тенденции в науке практически сначала отсутствовали полностью. Важно было исследовать частности, а для этого требовалось прежде всего вырывать их из общей связи»⁵. Такое положение вещей удерживалось до середины или почти даже до конца XIX в. Что же должно было произойти с понятием «антропология» в эпоху дифференциации, специализации, дробления наук? Всеобъемлющая форма названия науки с первых же шагов возникновения современной антропологии (конец XIX в.) уже находилась в противоречии с относительно узким ее содержанием. «В конце прошлого (XVIII в.), — писал Ф. Энгельс, — закладываются основы геологии, а в новейшее время — так называемой (неудачно) — антропологии, опосредствующей переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории»⁶. В период дифференциации и конкретизации системы наук термин «антропология» мог бы (или, скорее, должен был бы) исчезнуть совсем, не находя себе адекватного применения в установившейся классической схеме «один предмет — одна наука». Однако в силу традиции, в силу того, что этот термин веками не сходил со страниц фундаментальных трудов философов и естествоиспытателей, он закрепился в классификации наук. Нужно сказать, что в нашей отечественной науке правило «один предмет — одна наука» установилось в отношении антропологии в более четкой и строгой форме, чем, например, в США или Англии, где в понятие «антропология» вкладывается более широкое и менее определенное содержание. Нужно сказать, что в середине прошлого века в России это понятие также имело обобщенный, широкий смысл. Например, в трудах Чернышевского и Добролюбова антропология понимается как область знания, охватывающая практически «все о человеке», о сущности человека. В дальнейшем, в процессе дифференциации естественных и общественных наук, в нашей стране происходила конкретизация понятия «антропология». С течением вре-

⁴ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978.

⁵ Кедров Б. М. О современной классификации наук. — *Вопр. философии*, 1980, № 10, с. 86.

⁶ Энгельс Ф. *Диалектика природы*. М., 1941, с. 148.

мени оформилось то содержание, которое большей частью вкладывается в понятие «антропология» в нашей стране в настоящее время, а именно антропология — это наука о вариациях физического типа человека в пространстве и во времени. Конечно, такое понимание антропологии базируется в основном на традиции и не устраняет несоответствия между словесной формулировкой названия и его содержанием, но традиция эта возникла в связи с необходимостью четкого оформления самостоятельной науки и с этой точки зрения может считаться оправданной.

В период интеграции наук вопрос о том, удачен ли термин антропология, снова приобретает актуальность и вызывает споры, попытки пересмотреть содержание прежнего понятия, сложившегося у нас, что связывается с возникновением новых человековедческих дисциплин.

В упомянутой работе, посвященной современной классификации наук, Б. М. Кедров пишет о нынешнем этапе развития науки как о периоде утраты прежней простоты и стройности в общей структуре знания, причем «эти моменты усиливаются теперь из года в год, создается впечатление, что в настоящее время мы находимся на распутье: существовавшие прежде взгляды на общую структуру науки начали ломаться, однако пока не настолько сильно, чтобы уступить место новым взглядам, а новые взгляды стали вступать в силу, но все же не настолько решительно и обстоятельно, чтобы вытеснить заметным образом старые. Старое и новое существует пока бок-о-бок, как бы пытаюсь найти контакт или компромисс, как это нередко случается накануне коренного революционного переворота, разрушающего крутым образом старое и прокладывающего решительно дорогу к новому»⁷. И далее: «...направленность от анализа (аналитического расчленения наук) к синтезу (синтетическому их соединению, их связыванию), причем ко все более возрастающему по силе и степени синтезу, осуществленному на основе предшествующего анализа, но преодолевающего односторонность последнего. Это выразилось в усилении интегративных тенденций в области разработки классификации наук... Сначала — анализ, затем, после него и на его основе, — как его преодоление — синтез»⁸. Таким образом, наше время можно считать переходным периодом в развитии всей науки, когда синтез только начинает одерживать верх и перспективы дальнейшего развития конкретных областей знания в этой ситуации только начинают выявляться, вызывая оживленные дискуссии. Советский психолог Б. Г. Ананьев, детально разработавший теорию эволюции наук о человеке, полагает, что уже «в ближайшее десятилетие теоретическое и практическое человекознание станет одним из главнейших центров научного развития. Об этом можно судить по трем важным особенностям развития современной науки, связанным именно с проблемой человека. Первой из них является превращение проблемы человека в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки»⁹. Второй и третьей особенностями периода автор считает процессы дифференциации и интеграции науки. «Своеобразная антропологизация и гуманизация многих областей знаний, впервые подступающих к исследованию человека, характеризуют явление генерализации антропологических подходов во всей системе наук»¹⁰. И далее: «Наступило время, которое предвидели К. Маркс и Ф. Энгельс, предсказавшие, что естествознание и общественно-исторические науки сольются в единую науку об исторической природе человека»¹¹. Речь идет об одной науке будущего, о слиянии всех наук в единую науку, причем ориентированную на человека. И здесь опять, как мы видим, звучат слова «антропология», «антропологический подход». Какое же отношение имеет наша реально существующая антропология к этому грандиозному процессу? Нет ли здесь понятийной путаницы? Должно ли понятие «антропология» прийти у нас в соответствии с предметом исследования во всей

⁷ Кедров Б. М. Указ. раб., с. 85.

⁸ Там же, с. 86.

⁹ Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977, с. 6.

¹⁰ Там же, с. 47.

¹¹ Там же, с. 22.

его полноте, т. е. какое место занимает эта наука в интеграционном процессе образующегося комплекса знаний о человеке (Б. Г. Ананьев называет такие естественно сложившиеся комплексы наук «конstellациями»), получит ли это понятие смысл «науки наук» о человеке или, напротив, будет сметено потоком «нового человекознания», приобретающего колоссальный масштаб? Б. Г. Ананьев, говоря о «великой констелляции» наук о человеке в будущем, употребляет термин «новое синтетическое человекознание». Автор не определяет точного соотношения между этой наукой будущего и современной антропологией, однако сам факт введения нового термина «человекознание» (который, правда, в сущности является лишь переводом на русский язык греческого слова), показывает, что, с точки зрения этого исследователя, нецелесообразно расширять содержание существующего понятия «антропология» до масштабов «сверхконстелляции». С другой стороны, Б. Г. Ананьев отходит и от традиционного принятого у нас строгого понятия «антропология», широко пользуясь выражением «антропологические науки», в частности в применении к таким областям знания, как теоретическая медицина.

Что же думают сами антропологи о содержании понятия своей науки в период интеграции знания? Нужно сказать, что по этому вопросу среди антропологов нет единства, а потому, кстати, я не могу сказать, что выступаю в данном случае от имени всех наших антропологов. В общем в антропологии определяются за последнее время несколько различных подходов к этому вопросу.

Одни считают, что антропология должна беречь свой предмет и метод, накопленный опыт и старые традиции, без которых наука просто перестанет существовать, как таковая. В целом, в самом главном, этот взгляд предполагает сохранение классического «физического» смысла понятия «антропология», сформулированного основателем этой науки в СССР В. В. Бунаком: «Всестороннее изучение нормальной (не патологической) изменчивости физического типа человека составляет содержание особой науки — антропологии»¹². Это определение только на первый взгляд может показаться узким, ведущим к изолированному рассмотрению чисто биологических сторон человеческой сущности. На деле исследование вариаций физического типа человека само собой предполагает выход в широкую сферу биологической и социальной проблематики. Это очень хорошо показал Я. Я. Рогинский, разъясняя данное им определение антропологии: «Антропология есть отрасль естествознания, которая изучает происхождение и эволюцию физической организации человека и его рас». И далее: «Задача антропологии — проследить процесс перехода от биологических закономерностей, которым подчинялось существование животного предка человека, к закономерностям социальным. Таким образом, антропология занимает в кругу биологических дисциплин особое место. Имея предметом своего исследования человека, она не может не выйти за пределы естественно-исторических вопросов; изучая человека, она вступает в ту область, где действуют факторы социально-исторические. Из этого пограничного положения антропологии в ряду наук вытекает и ее отношение к смежным отраслям знания. Антропология неразрывно связана с другими биологическими науками и, вместе с тем, самым тесным образом соприкасается с науками общественными. Антропология в этом смысле как бы увенчивает собой естествознание»¹³. Таким образом, антропология — наука биологическая, но отличающаяся от прочих биологических наук в силу особенностей самого предмета исследования. Развитие этой науки закономерно предполагает постоянное углубление контактов с самыми разными областями знания, в частности с общественными науками, что неизбежно должно вести к обогащению и расширению тематики. При этом, однако, антропология должна сохранять свою целостность, свою специфику.

¹² Бунак В. В. Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941, с. 6.

¹³ Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978, с. 7.

К этой точке зрения на сущность антропологии, сформулированной В. В. Бунаком, Я. Я. Рогинским и другими основателями данной науки, примыкает большинство советских антропологов. В ясной и убедительной форме эту позицию отстаивает в своих многочисленных устных выступлениях М. И. Урысон¹⁴. Целиком и полностью ее разделяет и автор этой статьи, что будет показано ниже.

Вторая, наиболее пессимистическая точка зрения состоит в том, что современная антропология, технически слабо вооруженная, обладающая малочисленными кадрами и довольно отсталым математическим аппаратом, скоро «потонет в волнах интеграционного потопа» и будет поглощена другими, более могущественными областями знания. Например, некоторые считают, что современная антропология в процессе взаимодействия с другими науками попадает во все большую зависимость от последних и постепенно прекратит свое существование, будучи «разорванной на мелкие кусочки» нарастающим числом «более сильных» смежных дисциплин. Эта позиция не нашла отражения в печати, но, судя по высказываниям в частных беседах, на семинарах, сессиях, она имеет сторонников среди некоторых советских и зарубежных антропологов. По моему мнению, эти опасения связаны с перестройкой всей системы наук и не могут рассматриваться вне общего процесса интеграции. Антропология прошла закономерный путь дифференциации знания. В ее пределах выделился ряд новых, узких дисциплин и направлений, отражающих разные стороны морфофизиологической природы человека. Параллельно с этим процессом стали закономерно возникать так называемые «мостиковые» науки — области знания, связывающие данную науку с другими (например, с генетикой, биохимией), т. е. идет и процесс интеграции. Важно отметить закономерный характер взаимозависимости дифференциации и интеграции как двух диалектически связанных сторон одного процесса развития знания. По словам Б. М. Кедрова, «нарастающая интеграция наук стала осуществляться сама через дальнейшую их дифференциацию и благодаря ей»¹⁵. И более того, исследователи процесса интеграции знания считают характерным для нашего времени, что «на пути разрушающей дифференциации встает дифференциация интегрирующая»¹⁶.

Ведь антропология сама первоначально возникла как «мостиковая» наука, связывающая науки естественные и общественные (что в свое время отметил Ф. Энгельс), т. е. уже в прошлом веке, в эпоху, казалось бы, подавляющего преобладания процессов дифференциации, последние выступали уже в тесном единстве с интеграционным процессом (возникновение науки как «дробления» знания в то же время явилось шагом в сторону интеграции — образованию «мостика»). Следовательно, образование новых «мостиков» в период интеграции не означает дробления антропологии на части и потери ее самостоятельности, отмирания понятия. Это, кстати, относится и к другим наукам, представители которых также обеспокоены перспективой «размывания» границ их специальностей. «Синтез знаний есть не слияние наук в смысле стирания всяких различий между ними, а объединение их при сохранении качественных особенностей. Именно в этом научное понимание интеграции наук и научных знаний»¹⁷. Интеграция, таким образом, не есть отмена профессионализма. Она, напротив, предусматривает совершенствование узко профессиональных знаний при одновременном расширении кругозора ученых всех специальностей по мере углубления их контактов. Каждая наука и в период интеграции может и должна сохранять самостоятельность, пока профессиональные навыки ее представителей, ее традиции, ее теоретическое наследие полезны и незаменимы. В настоящее время ни одна наука не может заменить современную антропологию при ис-

¹⁴ См., например, сообщение Н. А. Дубовой, Н. А. Долиновой и Л. И. Яблонского о II Всесоюзной антропологической конференции в настоящем номере журнала.

¹⁵ Кедров Б. М. Указ. раб., с. 87.

¹⁶ Челиков М. Г. Указ. раб., с. 164.

¹⁷ Там же, с. 27.

следовании нормальных вариаций здорового человека с учетом эволюционных и расовых особенностей. Это, кстати, аргумент в пользу сохранения (в самом главном) прежнего смысла понятия антропология.

Границы науки при этом могут и должны быть подвижными за счет: а) возникновения новых «мостиковых» наук; б) за счет участия специалистов-антропологов в комплексных темах и приобретения ими новых навыков (в зависимости от характера тематики) в процессе сотрудничества с коллегами других областей знания. В ходе образования исследовательских комплексов, характерных для периода интеграции наук, ценность каждого специалиста всегда будет определяться прежде всего тем, в какой мере он владеет своей профессией.

Наконец, следует особо остановиться на позиции некоторых наших коллег, полагающих, что современная антропология есть не наука, а *система наук*.

Что можно было бы возразить сторонникам такого рода взглядов? Наиболее последовательным защитником этой точки зрения является Б. А. Никитюк, неоднократно высказывавший ее на конференциях и в печати. Так, например, в предисловии к книге Л. И. Тегакко, И. И. Саливон и А. И. Микулича «Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей» Б. А. Никитюк пишет: «Изучая человека как социальное (интегрально-социальное) явление, „биологическая антропология“ в своей научной основе постепенно насыщается новым содержанием. Она выполняет также ряд социальных функций учебно-воспитательного, прогностического значения. Поэтому выделение в этой науке (или скорее системе наук) биологического и социального компонента, весьма условно разграничиваемых, тесно взаимодействующих и взаимообогащающих друг друга, не должно вызывать особого удивления»¹⁸. С последним утверждением можно согласиться, как и с тем, что антропология должна насыщаться новым содержанием (что и происходит на практике). Удивляет другое — очень вольное обращение автора со сложившимся термином «антропология», которую он сначала называет «биологической» антропологией, а потом (исходя из тезиса «система наук») дробит на бесчисленное множество отдельных дисциплин: «анатомическую антропологию», «физиологическую» антропологию, «психологическую» антропологию, «педагогическую антропологию». Реальная антропология исчезает, а взамен дается неограниченная свобода придумывания новых «антропологий» во всех областях, как-то связанных с человеком.

Тезис «антропология — система наук» вовсе не является новым. Это возвращение к тому пониманию антропологии, которое мы находим еще у французских энциклопедистов. Во многих западных странах «антропология» практически всегда понималась как система наук, объединяющая ряд дисциплин биологического и историко-социологического профиля. Однако объединение «под одной крышей» общественных и естественных наук в период всеобщей дифференциации и специализации знания не привело к образованию органично слитного комплекса. Разделение на «физическую» и «социальную» антропологию, имеющее место в классификации наук в Западной Европе и Америке, фактически привело к тому же результату, что и у нас в стране, т. е. выделению «физической» антропологии в самостоятельную науку, аналогичную нашей антропологии, но при более громоздкой классификации. При этом «социальная антропология» была построена без какой-либо естественной логики. Набор дисциплин, в нее входящих, определился в основном традицией. Расплывчатость общего термина сказалась на всей системе наук, составляющих антропологию в целом. Попытки создать «новую антропологию» в таких условиях ведут лишь к еще большей неопределенности предмета науки. Ярким примером тому может служить вышедшая в 1972 г. книга Г. Гадамера и П. Фоглера «Новая антропология»¹⁹,

¹⁸ Тегакко Л. И., Саливон И. И., Микулич А. И. Биологическое и социальное в формировании антропологических особенностей. Минск: Наука и техника, 1981, с. 3.

¹⁹ Gadamer H. G., Vogler P. Neue Anthropologie. Stuttgart, Thieme, 1972.

авторы которой выражают беспокойство по поводу того, что антропология превращается в набор фактов и методов, вырванных из разных областей знания, но в то же время высказывают оптимистическую точку зрения, что «интегральная антропология» должна преодолеть методические барьеры, поставленные дезинтеграцией, специализацией наук и профессиональной слепотой. Что же подразумевается под «новой интегральной антропологией»? Это система наук, направленных на решение проблем, связанных с человеком, его онто- и филогенезом, общественной жизнью, с его прошлым, будущим, с биологическими, социальными, техническими, философскими аспектами его существования. Называется ряд «антропологических» наук, которые должны составить необходимую «систему» («антропологическая кибернетика», «антропологическая биофизика», «психологическая антропология» и др.). Границы «системы» не определены, так же, как и критерий принадлежности к «системе», ее внутренняя логика, способ преодоления имеющихся междисциплинарных барьеров. Перед нами типичное «западное понимание» термина «антропология». Отметим, что, несмотря на его широту, в нем довольно мало элементов, реально связывающих «физическую» и «социальную» части. Например, значительно менее широко и основательно разрабатываются западными коллегами проблемы этнической антропологии. Вообще, наша «односоставная» антропология часто более органично связана с познанием социальных сторон природы человека, чем «двусоставная», «биосоциальная» антропология на Западе. В советской антропологии полнее учитывается социальная опосредованность биологической эволюции человека, теория антропогенеза и расогенеза теснее переплетается с данными исторических наук и базируется на основательно разработанной философской интерпретации природы человека. Таким образом, процесс интеграции наук о человеке у нас происходит не менее интенсивно, чем на Западе, и этому не мешает отсутствие общей терминологической «крыши», которая связывала бы нашу антропологию с историческими науками. Тенденции к интеграции созревают внутри каждой науки и не требуют искусственного собирания нарастающего числа смежных дисциплин под одним названием.

Сам факт наличия и образования большого числа «антропологических» наук — знамение времени. Это «антропологизация» знания, подвергавшаяся детальному анализу в ряде работ. Так, Б. Г. Ананьев насчитывает таких наук около 200, констатируя при этом появление все новых и новых, например эргономики, эвристики, сексологии и т. д. Теоретически можно включать в антропологию еще бесчисленное множество наук, но практически это лишено смысла, так как не создает никакого нового «орудия познания». Таким образом, попытки создать «новую антропологию» на развалинах старой или из обломков других наук не новы. Делаются они без достаточного учета истории вопроса, а главное, без достаточного теоретического, методологического фундамента. Взгляд на антропологию как на «систему наук» фактически предполагает отказ от существующей у нас антропологии с ее традиционными принципами, от антропологического подхода к конкретному материалу и делает абсолютно неопределенным само содержание понятия «антропология», лишая его предметно-методической базы и внутренней целостности. Термин «антропология» отнимают у реальной науки и отдают нереальной системе. Нужно понять, что процесс формирования «человекознания» не отменяет традиционной антропологии, хотя и втягивает ее в свою орбиту, обогащая и расширяя ее содержание и связи.

Когда вводят термин «система наук», то нужно быть уверенным, что действительно речь идет о системе в современном смысле, т. е. о едином функционирующем «механизме», в котором части взаимосвязаны и подчинены целому. В данном же случае «система» так называемых «антропологических» наук находится на стадии в лучшем случае простой координации («внешнего соположения», по выражению Б. М. Кедрова) и не перешла на высшую стадию, основанную на принципе субординации, внутреннего соподчинения, подлинной системности. Советский фи-

лософ С. Н. Смирнов отмечает особую важность и сложность «поиска наиболее фундаментального единства всей совокупности дисциплин, образующих ту или иную форму междисциплинарности, ту или иную конкретную интегральную науку; речь идет о принципиальном, объективном обосновании того или иного конкретного интеграционного процесса»²⁰. Критикуя определения понятия «система», предложенные Л. Бергаланфи («система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии») и И. Миллером («система — это множество элементов вместе с отношениями между ними»), советский исследователь теории систем В. Г. Афанасьев совершенно справедливо замечает, что «эти определения являются слишком широкими, поскольку включают в себя различного рода конгломераты, смеси, свойства которых аддитивны и сводятся к простой сумме свойств их составляющих»²¹. Далее сделан важный вывод, что система есть новое качество, обладающее интегративными свойствами, не присущими ее частям, компонентам. Где же в конгломерате «антропологических» наук свойства систем и как они могут возникнуть? Пока это лишь смесь, «складывание наук в общий ящик» (по выражению Б. М. Кедрова). Мы согласны с Б. Г. Ананьевым, что в принципе в будущем естественный ход интеграции (вместе с дифференциацией) наук приведет к созданию реальной системы — «синтетическо-го человекознания», но пока этой системы не существует, рано вносить коррективы в понятийный аппарат классификации наук и приписывать понятие «антропология» той или иной случайно взятой группе наук либо всем «антропологическим» дисциплинам в целом, как внушительно ни выглядело бы их число.

Исторически сложилось так, что под «антропологией» у нас в стране понимают антропологию физическую. При общении с западными коллегами для лучшего взаимопонимания приходится к слову «антропология» (употребляемому в нашем смысле) добавлять «физическая», но переходить на западную терминологию внутри страны было бы сейчас нецелесообразно, так как добавление слова «физическая» повело бы у нас к терминологической перегрузке, появились бы названия дисциплин типа «социальной антропологии», которую пришлось бы конструировать искусственно, по традиционным западным образцам, или заново, в условиях, когда естественная система еще не может сложиться.

Можно и нужно в настоящее время говорить о синтезе наук, о возникновении комплексных систем знания, однако всякая излишняя поспешность в решении этих вопросов, тем более без достаточного учета данных философии, психологии, кибернетики, где эти вопросы давно исследуются, может принести науке вред или в лучшем случае приведет к тому, что все декларации о создании «системы наук» останутся на бумаге. Как замечает Б. М. Кедров, обсуждение вопросов о будущей структуре единой науки «в настоящее время было бы достаточно беспредметным, поскольку еще не ясно в деталях взаимоотношение между целым и его внутренними частями, а главное — между самими этими частями внутри целого...»²². Между тем как только мы касаемся науки (или наук) о человеке, мы непременно сталкиваемся с проблемой единой науки и «антропологизации» знания, затрагивающих всю науку в целом. Поэтому без основательного теоретического анализа подходить к этим вопросам и торопиться с «перекраиванием» классификации наук было бы величайшей неосторожностью. Познание есть отражение реального мира, а потому, если мы часто говорим теперь, что надо с крайней осмотрительностью и пониманием вмешиваться в естественный ход развития мира (как показал анализ экологического кризиса), то та же осмотрительность и мудрость требуется при попытках вмешаться в развитие процесса познания. «Классификация наук,— писал Ф. Энгельс,— из которых каждая анализирует отдельную форму движения или ряд

²⁰ Смирнов С. Н. Предисловие к сборнику «Философия и интеграция науки...» — Новое в жизни, науке и технике. Сер. Философия. М.: Знание, 1980, № 7, с. 8.

²¹ Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980, с. 22.

²² Кедров Б. М. Указ. раб., с. 99.

связанных между собой и переходящих друг в друга форм движения, является вместе с тем классификацией, расположением, согласно внутренней присущей им последовательности, самих этих форм движения, и в этом именно заключается ее значение... Переходы должны совершаться сами собой, должны быть естественными. Подобно тому как одна форма движения развивается из другой, так и отражения этих форм (различные науки) должны с необходимостью вытекать одна из другой»²³. Итак, создание систем, «констелляций» наук должно быть естественным процессом, которому мы, конечно, можем и должны разумно способствовать на строго научной основе. Наша современная антропология со временем включится в систему высшего порядка как часть в целом, но сохранит свое собственное содержание, которое и определит ее место в высшей системе.

Любая возникающая система наук обязательно должна быть диалектической, так как она отражает диалектику развития реального мира. Сама идея синтеза наук в единую науку (через ветвление и дифференциацию), базирующаяся на факте единства материального мира, глубоко диалектична. Феномен разветвления «древа» науки, а также появление «мостиков-переходов» между различными отраслями знания суть проявления диалектики взаимодействия наук на первых этапах становления единой системы. «Информационная модель мира», создаваемая человеком в процессе познания, все более адекватно отражает реальный мир, приходит во все более точное соответствие с ним, а потому становится все более диалектической, все более единой, все более гармоничными становятся ее внутренние связи и отношения.

Антропология в нашей стране возникла как *необходимое звено* между общественными и естественными науками. С чисто философской точки зрения основное содержание этой науки сводится к изучению процесса «диалектического снятия» низшего биологического уровня развития материи высшим — социальным и включения первого в последний. В этом смысле содержание нашей антропологии более диалектично, чем в западных странах, и лучше подготовлено к периоду интеграции знания. При изучении человека как высшей формы движения материи, системный, иерархический характер познания вскрывается особенно отчетливо. В искусственной «системе» наук о человеке, где господствует фактически принцип «соположения» и отсутствует диалектическая иерархичность, отражена только многосторонность человека как объекта исследования. Но этого по меньшей мере недостаточно: человек не только многосторонний объект, он объект «многоуровневый», и именно этим определяется в будущем иерархия «великой констелляции» наук, направленных на человека. Этим же уже сейчас определяется и развитие нашей антропологии.

Содержание понятий той или иной науки во многом зависит от правильной теоретической оценки объекта. Нередко еще приходится слышать о «биосоциальной» природе человека. Такой дуалистический подход, отражаясь в классификации знания, может привести опять-таки лишь к принципу «соположения» естественных и общественных наук, так как он лишен диалектичности. В системе эволюции материи иерархическое положение объекта определяется по высшему достигнутому уровню (например, мы не называем животных «объектами биохимическими»). Если же учитывать все включенные и соподчиненные уровни, то мы должны были бы назвать человека существом «социо-био-химико-физическим». В связи с этим нам представляется плодотворным определение, данное советским философом В. В. Орловым, предложившим называть уровень развития материи, к которому принадлежит человек, «интегрально-социальным»²⁴. Исследуя биологическую сторону природы человека, антропология в то же время постоянно обращается к проблеме соподчинения уровней. Так, например, изучая, скажем, дифференциацию расовых типов, антрополог сталкивается с проблемой возраста-

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 564—565.

²⁴ Орлов В. В. Материя, развитие, человек. Пермь: Изд-во ПГУ, 1974.

ющего «замораживающего действия социальных факторов на ход биологической эволюции»²⁵, изучая проблему продолжительности жизни, сталкивается с историей образования и формирования этноса, обычаями, этнической психологией. Можно думать, что в дальнейшем «социально опосредованные проблемы» будут занимать все больше места в антропологических работах. Например, огромная проблема антропологической динамики урбанизации схематически может быть представлена как «биологическое, включенное в социальное». Сюда же можно отнести исследования адаптивности (в самом широком смысле) человека и общества, вопросы глобальной метисации и стирания расовых различий, динамики эволюции физического типа человека в будущем, вопрос о вариациях физического типа человека в связи с изменениями спектра видов трудовой деятельности. В таких случаях должен сыграть роль «мостиковый» интегрирующий характер антропологии. Проблемы, носящие иерархический, многоуровневый характер, станут постепенно более многочисленными и придадут диалектически обусловленную структуру возникающим естественным комплексам-конstellациям наук. В наше время классификация наук должна будет эволюционировать по принципу «от проблемы к дисциплине». Не науки будут «искать» проблемы, а возникающие, все более сложные, комплексные проблемы будут «искать» исполнителей среди представителей самых разных, пока мало связанных друг с другом наук. В этом залог естественности процесса развития знания. Этот процесс, конечно, происходит и сейчас и выражается в феномене «междисциплинарности», в создании научных комплексов, проблемных групп. Все более полное (и неизбежное) вскрытие всеобщей связи объектов ведет к развитию всеобщей связи наук. По Б. М. Кедрову, эта тенденция выступает сначала в форме образования междисциплинарных отраслей знания, затем в виде взаимодействия наук, изучающих один и тот же объект с разных сторон, затем в виде усиления их взаимодействия, доходящего до возникновения комплексного метода исследований и, как его результат, комплексных наук. Наконец, дальнейшая эволюция все в том же направлении приводит с полной определенностью к тому, что взаимодействие наук и их комплексность достигают всеобщих или глобальных масштабов. Теперь это распространяется на объекты, которые носят всеобъемлющий, универсальный и в точном смысле этого слова всемирный характер²⁶. Именно выход на глобальный уровень системы соподчиненных проблем ведет к естественному возникновению больших «конstellаций». Именно на этом пути возможно в будущем возникновение высших систем человекознания и, наконец, «синтетического человекознания». Во всяком случае на пути к этому далекому «созвездию наук» будущего наша скромная антропология, не меняя своего названия и в общем сохраняя свое главное содержание (хотя и постоянно обогащаясь методически и теоретически), должна сыграть роль одного из «интеграторов» (как говорят философы) в процессе образования комплексов. Сейчас роль интеграторов должны будут играть многие науки. В частности, Б. Г. Ананьев считает, что всеобщим интегратором «синтетического человекознания» явится психология. При этом он делает оговорку: «Однако интеграция наук, сочетающаяся с дальнейшим развитием их специализации, определяется прежде всего прогрессом философского учения о человеке»²⁷. Вопрос о роли философии в интеграции наук о человеке детально разработан в отечественной философской литературе. Об этом писали Б. М. Кедров, П. Н. Федосеев, А. Д. Урсул, А. Г. Мысливченко. Так, А. Д. Урсул называет «союз философии и естествознания важнейшей интегративной тенденцией в науке»²⁸. А. Г. Мысливченко, выражая сомнения в возможности возникновения синтетического человекознания путем естественного процесса ин-

²⁵ *Зубов А. А.* Интеграция как единая тенденция современного человечества.— Сов. этнография, 1976, № 5, с. 75.

²⁶ *Кедров Б. М.* Указ. раб., с. 95.

²⁷ *Ананьев Б. Г.* Указ. раб., с. 15.

²⁸ *Урсул А. Д.* Единство и многообразие мира, дифференциация и интеграция наук.— Вопр. философии, 1981, № 10, с. 71.

теграции наук, пишет, что задачу создания целостной концепции человека может выполнить «не комплекс частных наук, опирающихся на философию, а, наоборот, научная философия, опирающаяся на выводы частных наук и анализ всей общественной практики»²⁹. Этот автор считает, что «значение проблемы человека настолько возросло во всех сферах общественной жизни, что все более ощущается потребность в дальнейшей специальной разработке единой, общей теории, целостной концепции человека». При этом делается оговорка, что «пока нет объективных оснований для конструирования специальной философской науки о человеке — марксистской философской антропологии»³⁰. Академик П. Н. Федосеев пишет, что «марксистско-ленинская философия представляет тот логико-методологический фундамент, на котором воздвигаются „строительные леса“, соединяющие не только общественные и естественные, но и технические и другие частные науки»³¹. Действительно, роль философии в качестве интегрирующего фактора в период, когда нужно понять, осмыслить, упорядочить происходящие стихийные процессы интеграции, первостепенна, особенно в такой сложной области, как взаимодействие общественных и естественных наук. Возможность интеграции последних в единую науку основывается на диалектическом законе единства мира. Недаром именно этот закон Б. М. Кедров считает основным. Ф. Энгельс, говоря о единстве общественных и естественных наук, подчеркивал, что эти науки изучают «два класса законов, которые мы можем отделять один от другого самое большее в нашем представлении, отнюдь не в действительности»³². Методологическая основа процесса интеграции наук о человеке заключается именно в этих положениях марксистской философии. Между «двумя классами законов» нет и не может быть непроходимой пропасти. Понимая это, многие философы и естествоиспытатели ищут сейчас пути проблемного, понятийного и терминологического сближения этих систем наук. Предлагаются, редуционный подход (Л. Б. Баженов, В. И. Кремянский)³³, применяются метод аналогий (К. Б. Батороев)³⁴, метод выявления инвариантов социокультурного и биологического типов организации (Э. С. Маркарян)³⁵, практикуется использование понятийного аппарата других областей знания для описания организационных аналогов (например, «эволюционно-биологическая формация» в теории эволюции у К. М. Завадского и Э. И. Колчинского)³⁶. Для будущей всеобъемлющей интеграции необходим выход исследований на все более высокий теоретический уровень. С этим в области естественных наук связываются «надежды на плодотворность и эффективность интегративных процессов в познании жизни», в частности, на создание теоретической биологии (И. Н. Смирнов)³⁷. Аналогичный встречный процесс перехода к крупным обобщениям происходит и в общественных науках. Интеграция на уровне «жизнь» уже неизбежно смыкается с интеграцией на уровне «общество», и точка соединения этих двух пластов знания — человек. Отсюда возможность взаимопроникновения терминов, подходов, понятий. Отсюда, кстати, интегративные возможности нашей современной антропологии, достаточно хорошо отражающей преемственность законов двух уровней развития. Понятие «человек» по масштабу сравнимо с та-

²⁹ Мысливченко А. Г. Методологические проблемы исследования человека в философии. — *Вопр. философии*, 1981, № 7, с. 43.

³⁰ Мысливченко А. Г. Указ. раб., с. 50.

³¹ Федосеев П. Н. Идеи Ленина и методология естествознания XX в. — В кн.: *Современное естествознание и материалистическая диалектика*. М.: Наука, 1977, с. 13.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 116.

³³ Баженов Л. Б., Кремянский В. И. Эволюция материи и ее структурные уровни. — *Вопр. философии*, 1981, № 2, с. 98.

³⁴ Батороев К. Б. О сущности и эвристической роли метода аналогий. — *Вопр. философии*, 1981, № 8, с. 167.

³⁵ Маркарян Э. С. О средствах оптимизации научно-интегративных процессов. — *Вопр. философии*, 1980, № 11, с. 119.

³⁶ Завадский К. М., Колчинский Э. И. Эволюция эволюции. Л.: Наука, 1977.

³⁷ Смирнов И. Н. Проблема интеграции знания в современной биологии. — *Вопр. философии*, 1981, № 11, с. 38.

кими всеобъемлющими категориями, как «материя», «развитие», «движение». Поэтому очень плодотворной представляется разработка в нашей философии «всеобщей» концепции человека, также несущей в себе интегративный потенциал. Судьба будущего человекознания и, не в меньшей мере, судьба нынешней антропологии, а следовательно, и содержание этого понятия зависят от процесса интеграции общественных и естественных наук. Движение понятия «антропология» в любой его интерпретации должно отражать (и притом точно) этот процесс.

Вопрос о «кризисе» в антропологии фактически большей частью сводится к трактовке динамики содержания понятия этой науки. Потеря основного содержания, «ядра» понятия, действительно, означала бы кризис. Но понятие «антропология» у нас пока не претерпело и в ближайшем будущем, по-видимому, не претерпит качественного преобразования, отрицающего его основной смысл. Антропология развивается в целом естественно, в соответствии с диалектикой процесса дифференциации — интеграции (в чем убеждает нас предшествующий анализ), хотя и испытывает методические и организационные трудности. Происходит внутренняя дифференциация с образованием новых направлений (серология, одонтология, дерматоглифика) и интеграция: развиваются «мостиковые» науки-интеграторы (популяционная генетика человека, спортивная антропология, возрастная морфология и физиология). Углубляются и совершенствуются методы сложившихся направлений (фотография в антропометрии, ультразвук в изучении мягких тканей, новые системы признаков в антропоскопии и краниологии), постоянно совершенствуется методика обработки материала. Антропологи участвуют в разработке многих комплексных проблем, хотя «комплексность» во многих случаях остается пока на уровне «соположения» и координации выводов на уровне обобщений высокого порядка, что также представляет собой закономерный этап развития интеграционного процесса. Внутренние преобразования и нововведения равно, как и недостатки и слабые стороны, касаются больше методической стороны науки, чем сущности ее понятия, расширение внешних контактов не должно рассматриваться как угроза самостоятельности науки, так как они — закономерное явление, присущее всей системе знания.

Приток новой тематики и новых методик в любую науку — здоровое явление, если его не подменять произвольным соединением под тем же названием набора плохо подогнанных друг к другу дисциплин. Новая антропология — это все, что приходит в эту науку, обогащая ее и обогащаясь ее традициями, но не нечто внешнее, оставшееся инородным, не пережившее периода «срастания» с антропологией, случайно собранное. Антрополог — это одна из биологических профессий, научиться которой можно только у антропологов. Пока это бесспорно, и менять это положение в наши дни невозможно и нецелесообразно.

Трудно сказать сейчас, какова будет судьба понятия «антропология» в более отдаленном будущем, какие новые понятия и термины будут возникать на разных уровнях интеграции. Возможно, что со временем антропология составит часть естественно сложившегося (на основе общей крупномасштабной проблематики) системного образования — «конstellации наук» о человеке, обогатив этот комплекс сохраненной и усовершенствованной в процессе развития спецификой своего содержания, своим неповторимым опытом. Процессы дифференциации — интеграции не должны рассматриваться как слепая разрушительная стихия. Это жизнь науки. В соответствии с ее законами родилась и до сих пор развивалась наша антропология. Отсюда и устойчивость содержания понятия при его динамичности и гибкости. Интеграция происходит при сохранении профессиональных «ядер» наук и не означает превращения всей системы знания в общую аморфную массу, в которой будут фигурировать не специалисты, а какие-то фантастические «ученые вообще». На любом уровне интеграции наук сохранится та или иная структура, иерархия. Сложившиеся структурные единицы должны не исчезнуть, а найти свое новое место в комплексах, складывающихся вокруг глобаль-

ных проблем. Ценнейшее основное содержание антропологии, созданное многими поколениями ученых, нужно, «не расплескав», но обогатив, донести до той ячейки, которую займет эта наука в будущих человековедческих комплексах высшего порядка.

Л. М. Дробижева, Л. А. Тульцева

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ

**(по материалам этносоциологических
исследований у народов СССР)**

На конкретных этапах исторического развития обрядность народов СССР имела специфические особенности как в символическом отражении представлений об идеале человека и отношениях между людьми в обществе и семье, так и в соотношении традиционных и новых форм в обрядах¹.

Проблема соотношения традиционного и нового в обряде — один из вопросов о многообразных формах адаптации традиционной культуры к новой эпохе, о тенденциях и перспективах ее развития в наши дни. Соотношение традиционного и нового в обряде имеет не только этнографический, но и социально-психологический аспект; оно касается внутренних взаимоотношений людей, типов их поведения в ритуально-обрядовых ситуациях. Исследования в этой области помогают раскрыть механизм передачи межпоколенной «этнической» информации.

Вопросы, связанные с изучением основных тенденций развития семейных обрядов, представляют интерес и для этнографов, и для этносоциологов.

Этносоциологи в первую очередь выясняют, насколько представители различных национальностей, возрастов и социальных групп приобщены к культуре своего этноса, в какой мере она определяет их поведение и интересы. Следование обычаям и обрядам, так же как и отношение к ним, является одним из свидетельств значимости традиционной культуры. Полученные в ходе массовых опросов материалы используются для решения этносоциальных проблем, например (применительно к теме) для выяснения влияния семейных обычаев на повседневное поведение людей различных национальностей или, скажем, влияния непомерно пышных свадеб на семейный бюджет или ценностные ориентации людей и т. п. В то же время полученные в ходе таких исследований материалы могут быть использованы и в целях этнографического изучения: например, для выявления степени распространения свадеб, справляемых по развернутому или редуцированному национальному ритуалу в разные исторические периоды (естественно, в пределах, которые охватывает память ныне живущих людей).

Выводы исследователей об отношении населения к семейным обрядам, а также об их реальном бытовании в различных возрастных и социально-профессиональных группах (например, среди высококвалифицированных и малоквалифицированных рабочих, художественной и производственной интеллигенции и т. д.) позволяют прогнозировать основ-

¹ *Сабурова Л. М.* Некоторые вопросы изучения новой обрядности.— В кн.: Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей и становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Улан-Удэ, 1969, в. II; *Лобачева Н. П.* О формировании новой обрядности у народов СССР.— Сов. этнография, 1973, № 4, с. 14; *Угринович Д. М.* Обряды: за и против. М.: Политиздат, 1975, с. 110—135; *Устинова М. Я.* Семейные обряды латышского городского населения в XX в. М.: Наука, 1980, с. 110—111 и др.